

РАЗДЕЛ 1. ПСИХОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ГЛАВА 1. ОТЧУЖДЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Социально-философский ракурс отчуждения

Информационные технологии – это своего рода «высшая нервная система» современных обществ. Прогрессирующее компьютерное производство, созданные на его основе коммуникативные сферы от социальных сетей до мировых научно-информационных баз данных, поисковые средства получения информации и глобальные стандарты способов представления данных стали основополагающими процессами так называемых постиндустриальных обществ. Сегодняшняя система информационных технологий воспринимается как совершенно беспрецедентный феномен, как нечто, возникшее с «исторического нуля», запускающее неизвестные до сегодняшнего дня психологические феномены. В то же время их возникновение было бы невозможно вне преемственности предшествующих этапов научно-технического развития. Однако подобная позиция принимается скорее по умолчанию, чем в результате скрупулёзного беспристрастного анализа прошлого и настоящего.

Идея первозданности современной информационной среды возникает в связи с тем, что в переходе от одной общественной формации к другой, например, от индустриальных обществ к постиндустриальным часто видят непреодолимый не только социальный, но и психологический разрыв. Прежде всего разрыв экзистенциальных ценностей и смыслов, разрыв духовного и прагматичного. Закрепившаяся иллюзия не позволяет осознать, что нерешённые экзистенциальные проблемы перехода от аграрных (традиционных) обществ к индустриальным существуют теперь в постиндустриальном социуме, являясь мощным ментальным фактором. Эти проблемы выражены в широком спектре социальных явлений: дифференциация социальных страт секулярных обществ (П.Бергер, Н.Луман), капитализация и коммодификация социального пространства (П.Бурдьё, Ж.-Ф.Лиотар, М.Фуко), возрастание факторов неопределённости и риска, спровоцированные утратой смысла (Ж.Делез, У.Бек), редукция символов сакрального к семиотическим системам товарного фетишизма (Р.Уильямс, Р.Инглхарт, Ж.Бодрийар), эстетизация среды как ложный эквивалент поиска смысла бытия (В.Беньямин, У.Эко). Социальные обстоятельства оборачиваются множеством психологических проблем: разрывом контактов с непосредственным окружением, обеднением

общения, одиночеством и, в целом, отчуждением личности от экзистенциального контекста собственного бытия. Поиск причин такой ситуации заставляет обратиться к источникам, ставшими едва ли не хрестоматийными: работам М.Вебера, Э.Гуссерля, Э.Фромма, М.Хайдеггера и некоторых других основоположников гуманитаристики XX столетия.

Вопрос об истоках информационного менталитета, сопровождающегося, переживанием отчуждения, в постиндустриализме только выглядит прямо противоположным тому, что сформулировал М.Вебер ещё в начале XX в. Актуальный сегодня вопрос, как цивилизационные явления, в первую очередь информационные технологии, порождённые переходом от индустриальных к постиндустриальным обществам, влияют на идеологические, социально-психологические установки современной личности – это чуть ли не буквальное продолжение обозначенной М.Вебером проблематики. Вебер так определил одну из своих исследовательских целей: «Прежде всего надлежит установить, существует ли (и в каких пунктах) определённое «избирательное сродство» (Wahlverwandschaft) между известными формами религиозного верования и профессиональной этикой. Тем самым (поскольку это возможно) выявится также и тип, и общая направленность того влияния, которое религиозное движение оказывало в силу подобного избирательного сродства на развитие материальной культуры» [65, с. 68]. Фактически это означало осуществление переноса сакрального отношения на исключительно материальные объекты, и, как следствие, отчуждение человека от духовных основ его жизни.

Идея о влиянии религиозных установок протестантизма на становление буржуазного общества и государства с присущими им формам отчуждения возникла задолго до выхода в свет исследований на эту тему М.Вебера и затем Э.Фромма. Одним из первых ее высказал английский проповедник – унитариец, учёный, журналист Ч.Бэрд. Он полагал, что последствия специфического влияния церкви на нерелигиозные социальные институты эпохи Реформации выразились в массовой сакрализации сугубо мирской деятельности. Иными словами, протестантизм дал «высшую нравственную санкцию» на то, чтобы приписать материальному процветанию божественный смысл. Сакрализация условий существования очень скоро претерпела ещё более существенную трансформацию. Думать о «славе господней» в то время, как производство материальных благ значительно увеличилось, оказалось непосильной задачей. Ч.Бэрд констатировал: сугубо светская деятельность оказалась со временем в неоспоримом приоритете над религиозной. «Судорожные попытки обрести царство Божье постепенно растворялись в трезвой профессиональной добродетели и корни религиозного чувства постепенно отмирали, уступая место утилитарной посясторонности» [62, с. 171].

Позднее М.Вебер приходит к аналогичным выводам. Метаморфоза религиозно-нравственных установок в профессиональный этос человека Нового времени привела к тому, что сугубо буржуазный этос приобрёл псевдо-провиденциальное истолкование. Именно эта иррациональная установка личности становится основным мотивом в процессе определения смысло-жизненных координат. В ближайшей исторической перспективе эквивалентом смысла жизни стала профессиональная деятельность ради самой деятельности. Стремительно меняющиеся социально-экономические, политические, культурные условия лишали человека стабильности и требовали от него предъявления принципиально иных социальных качеств. Это касалось и способности дать качественно новый ответ относительно усиливающейся «иррациональной тревоги».

М.Вебер усматривает много пессимистического в выходе из цикла «естественной жизни» традиционного общества. Формирующийся индустриализм обрекает человека на все большее погружение в «гибельную бессмысленность». Чем в большей степени «служение» социальной системе становится «священной задачей, призванием», тем более бессмысленными становятся противоречащие друг другу цели, не имеющие никакой гуманистической ценности [66, с. 341].

Просвещение внесло свой вклад в развитие и упрочение свершившегося перехода. Философия морали И.Канта, как подметил Т.Адорно, – это высшая ступень развития освещенческой мысли. Тем не менее, и она не просто несёт на себе отпечаток протестантской этики, но является прямым отражением ее развития на рубеже XVIII – XIX столетий. С одной стороны, Кант фиксировал возросшую до невероятной степени зависимость субъекта от условий существования, так что само понятие свободы остаётся пустым порождением человеческой мысли. С другой стороны, все приобретённые новые качества: компетентность, оснащённость, целенаправленность – оказались закреплёнными в сложившемся status quo. Фактически Просвещение впервые выявляет тенденцию возрастающей роли способов получения, хранения и распространения информации как одной из структурных основ системы средств существования (системы вещей, как выразился о ней Ж.Бодрийяр) [4;5].

Э.Фромм уточняет: новый этос культивирует лихорадочную деятельность как средство подавления ощущения собственного бессилия в попытках ответить на вопрос об экзистенциальной составляющей собственной жизни. Массовая потребность в подобной идеологии провоцировала личность на поиск иной, кроме Бога, инстанции, несущей ответственность за существование человека. Перенос представлений об истоке смысла жизни из трансцендентной сферы Бога в имманентный мир средств существования обусловил готовность человека к тому, чтобы быть

средством по отношению не столько к социально-религиозным, но экономическим и финансовым социальным институтам [298].

Вместе с тем цель и задачи воспроизводства условий и средств существования приобрели, по сути, сакральный характер, что в исторической ретроспективе европейской культуры абсолютно беспрецедентно. Как беспрецедентна немыслимая ранее сакрализация самого понятия «успех». Этические нормы, имевшие сугубо религиозное происхождение, стали импульсом для развития человеческой потребности успеха в мире, которому он «безнадёжно имманентен». Две разные установки предполагают принципиально отличающиеся системы ценностей: одна строится из идеи смысла жизни, зависимой от воли Бога, другая – на зависимости от успеха в социальных системах производства и потребления материальных благ. Вслед за этим существование информационных систем приобретает по истине колоссальное значение.

Процесс прогрессирующей рационализации, инициированный Реформацией, подготовил условия возникновения постиндустриального общества, в котором основным экзистенциально-смысловым критерием личности становится даже не успешность, а эффективность. Причём речь идёт об эффективности социальных институтов, производственных и экономических процессов, вовлечённых в них людей и т.п. Однако эффективность как достаточно очевидный феномен, определяемый по весьма чётким критериям, распространяется совершенно неявным и часто даже иррациональным образом на то, что ею никак не измеримо: уверенность (чаще всего бессознательная) в осмысленности человеческого существования. М.Фуко примерно так выразился на эту тему. Размышления об отношении к деньгам, банковскому делу, торговле (и вообще институтам обмена), политике могут принимать совершенно рациональный вид. Но в их основе коренится «смутное знание», которое не обнаруживает самого себя в рассуждении. Однако его императивы категорично требовательны по отношению к человеку, хотя и совсем не обязательно связаны с действительностью [301].

Вместе с тем, установка на эффективность собственной жизни позволяет разглядеть в «неявных» правилах системы вещей именно определённую, если не смысла, то, по крайней мере, цели существования. При таком варианте все они редуцируются к сохранению и преумножению средств существования, и человек имеет дело с суррогатом смысла, а не его полноценным эквивалентом. При этом признание, что таким образом возникает благоприятная среда для возникновения феномена отчуждения, опускается, «выводится за скобки» рационального. Однако эта иррациональная подмена оказывается тоже эффективной, ибо купирует симптомы кризисного сознания: иррационального сомнения, тревоги, неуверенности, и подавленности. В свою очередь это оказалось возможным в следствие надления результатов науки, результатов технического

прогресса и уровня комфорта сакральным значением, которого на самом деле в них не существует.

Мир материальных ценностей, эффективность социальных функций и человеческого успеха ни в коей мере не стали «силами-в-себе», подавляющими личность. Скорее дело в готовности личности занять подчинённую ментальную позицию по отношению к ним. Как отметил Р.Гвардини, «мы придаём метафизическую важность предметам вполне смехотворным» [79, с. 27]. Но все же вопрос «а зачем?» находит ложный вариант его решения через подчинение человека технической картине мира. Вместе с тем, Х.Ортега-и-Гассету полагал, что наука «раздавит» духовные истоки человека, стремительно превращающегося в «одностороннее» существо, неспособное к восприятию целостности мира [217]. Фактически Ортега-и-Гассет предсказал некоторые выводы Франкфуртской школы, например, идею «одномерного человека» Г.Маркузе [190; 191].

Стремительная трансформация индустриального общества в постиндустриальное вызвала ожесточённую критику, если не сказать сопротивление. Одни из самых весомых слов на эту тему принадлежат Э.Гуссерлю. Он пишет о кризисе научного знания, акцентируя внимание на поворотном моменте: процессы рационализации обусловили преобладание формальной рациональности, признающей только учёт и калькуляцию явлений природы, а не человеческого смысла, с которым это делается. Каузальный способ представления мира, происходящий из такой позиции субъекта познания, ставит задачей выявить универсальное, типическое, закономерное. Ему в принципе безынтересно что-либо другое. Определяющим становится не способность представить бытие как единое неколебимое лоно бытия человека, а метод при помощи которого оказывается возможным бесконечно реконструировать мир, всякий раз заново удостоверяя полученную конструкцию принципом полезности [87; 88].

Однако пределы научного мировоззрения казались Э.Гуссерлю более чем очевидными. Несостоятельностью естественнонаучного (позитивного) знания в проблеме гуманитарной перспективы человечества казалась ему самоочевидной. «Исповедание» смыслообразования, почерпнутого в науке имеет своим неизбежным следствием абстрагирование от сугубо личностных и культурных запросов на смыслы, не поддающиеся научной регламентации. Так в повседневные практики внедряется установка «господства» не только над научными методами отыскания истины, но и человека над самим человеком. Парадокс установки состоит в том, что за ней скрывается идея власти над «судьбой», способной привести к своего рода полному «блаженству» [87, с. 153].

Идея такого «блаженства», понятая исключительно прагматически, ведёт к аннигиляции всего, что связано с понятием человеческого достоинства, ведёт к сужению личностной жизни, диссонансу значений и

смыслов. Тем самым сам человек превращается в «голый факт» науки, реципиента ее данных, индифферентных к различению средств существования и его духовного смысла. По мнению Э. Гуссерля, науки о фактах формируют людей, заботящихся только о фактах. Следовательно, и сам мир, и человек в нем – не имеют иного смысла, кроме как производство и потребление научной информации с целью преобразования условий существования в наиболее удобные формы. Гуссерль резюмирует: последствия такой установки печальны, ибо обращают человеческий разум в бессмысленный круговорот воспроизводства «блаженства», а надежды на благодеяние в муку [87, с. 161].

Неотъемлемое продолжение науки – техника – подверглась ещё большей критике. По мысли Л. Мамфорда, технические средства вторжения в природу превратились в своего рода «демоническую» силу, низводящую человека к «машиноуправляемому животному», бесчувственному к цели преобразования природы [187]. Отказ от «отстранённо-одухотворённого» взгляда на мир, по Э. Фромму, должен иметь разрушительные последствия. Подчинение индивида прагматическим задачам с неизбежностью ведёт и к потере способности воспринимать мир как единство, и к утрате критического отношения к самому себе и к различным формам отчуждения [299].

Близкой позиции придерживался К. Ясперс, полагая, что развитие техники вышло из-под контроля и вместе с тем смысл технического преобразования мира оказался утраченным и даже ближайшая историческая перспектива провоцирует чувство беспомощности. Однако техника оказалась мощнейшим средством вторжения не только во внешнюю по отношению к человеку, но и в его внутреннюю природу. Влияние техники на человека подталкивает его к отказу от своей собственной сущности, делает легко управляемым социальными институтами власти. Так возникает толпа, масса, в которой черты личности становятся неразличимы. Тем не менее человек охвачен чувством сомнения в прочности своего положения как духовного существа, которое всеми силами старается заглушить [332].

Т. Адорно практически одновременно с К. Ясперсом констатируют факт обращения разума в придаток техники. И хотя она сама есть инструмент, служащий цели господства над природой, человек, в действительности, становится заложником собственных достижений. Он превращается в «вещь», в заложника «культуриндустрии», подавляющей уникальность личности [5].

М. Хайдеггер хотя и рассуждает о подобных процессах довольно поэтично, но приходит к столь же пессимистичным выводам. Новая «антропоморфная» метафизика, основана вовсе не на античной идее техники как способа раскрытия из потаённости. Это уже не уникальное мастерство и искусное ремесло, претворяющее истину в красоту, на подобии поэзии. Эпоха модерна стала понимать технику как вид

добывающего производства. На излёте Нового времени происходит существенный болезненный переход: прерывается способность технического проникновения в смысл природы. Существо техники стало Хайдеггером пониматься как «постав», т.е. процесс извлечения, переработки, накопления, распределения и перераспределения «энергии». Не выведение истины из потаенности в просвет знания, а непосредственное «извлечение недр» для последующего использования и обогащения [303].

«Постав» не возникает никаким иным способом, кроме как через человеческую деятельность. Однако направленность этой деятельности уже более не задаётся жаждой раскрытия истины. Человек пытается управлять «поставом» для того, чтобы обеспечить самого себя для дальнейшего расширения возможностей самого «постава». Такая установка преобразует смысл техники в нечто способствующее расчёту системы сил исходя из принципа прагматически-должного. Аналогичная установка превращает человека в оператора событий, не выходящих за пределы круговорота производственно-добывающего механизма. Появляется человек, утративший представление об общем замысле и смысле того, чему служит его участие в процессе «постава». Между тем среди установленного и правильного ускользает истинное, а вместе с ним и личностное чувство полноты сопричастности миру [302].

Э.Фромм отмечает ещё одну особенность формирующегося постиндустриального общества – массовую подмену социально-психологической ориентации «быть» установкой «иметь» [299]. Подобная трансформация ведёт к формированию принципиально нового восприятия комфорта. Удобство среды обитания обесмысливается точно так же, как и роль техники. Комфорт как средство существования преобразуется в самоцель, ибо его значение состоит в поддержании энергетического, эмоционального, интеллектуального тонуса индивида, ставшего элементом системы непрерывного воспроизводства условий собственного существования. По сути, это есть ни что иное как один из видов отчуждения личности от духовных форм экзистенции.

Во второй половине XX столетия сложилась крайне противоречивая и даже парадоксальная ситуация. С одной стороны, ускоряющийся прогресс технологий создал беспрецедентные возможности для самореализации человека, с другой – человек оказывается все более зависимым от процесса дальнейшего развития технологий. С одной стороны, информационные каналы о мире делают доступными любые его артефакты, с другой – локальные культурные традиции оказываются подавленными унифицированными регламентами глобализма. Беспрецедентные возможности реализовать установку «иметь» оборачивается предельной минимизацией возможности «быть». В итоге это означает отчуждение личности от экзистенциальной составляющей ее структуры.

Все отмеченные констатации кризисности перехода к постиндустриализму умалчивают об одном обстоятельстве, имеющем, между тем, исключительное значение. Человек сохраняет способность ставить цели и определять смыслы вне пределов любых технологий. Более того, эта способность в эпоху постиндустриализма стала предметом только его компетенции. Ни законы естественно-научного знания, ни императивы процессов технического совершенствования, ни кажущаяся самодовлеющей востребованность комфорта не в состоянии лишить личность права самоопределения в вопросах смысла существования.

Предельный рационализм современных информационных технологий предъявляет требования, касающиеся преимущественно правил коммуникации, выполнение которых позволяет не более, чем соответствовать условиям включения в процесс обмена данными. В них не содержатся указаний на способ формирования личностного ответа на вопрос о цели, с которой человек включается в них. Каким будет этот ответ зависит только от человека. Правила коммуникации определяют лишь некую систему координат, в соответствии с которой субъекту следует действовать, чтобы не оказаться вне ее.

Необходимые и достаточные условия доступа к информационным продуктам (научным базам данных, социальным сетям и т.д.) определены нормами права, соответствующей этикой и некодифицированными правилами поведения. Все они не содержат в себе правил формирования личностного смысла, ради которого человек вовлечён в процессы производства и обмена информацией. Алгоритмы социальных сетей сами по себе ни в малейшей степени не предполагают указаний о смысле бытия или его бессмысленности. Содержащиеся в них данные могут трактовать и то, и другое, но доверится ли человек этим сведениям или нет – зависит только от его суверенного решения.

Вся критика, направленная на подавляющую роль информационных технологий, в действительности имеет своим адресатом личность, неспособную к различению установок «быть» и «иметь», экзистенциального и прагматического, собственного суждения и навязанного. Однако не стоит сбрасывать со счетов и то, что информационные технологии, наследующие обстоятельства перехода от индустриального общества к постиндустриальному, имманентно содержат в себе социализированные способы представления условий существования как его цели и смысла. Знание об этом обстоятельстве иначе представляет требование безопасности информационных технологий. Вовлечённый в них субъект должен быть информирован об ответственности, неизбежно наступающей тогда, когда этой системе делегируется ответственность за смыслообразование, порождающее состояние отчуждения, в котором личность действует только в прагматической системе координат.

Сегодня вряд ли удастся даже приблизительно очертить круг феноменов бытия и сознания человека, возникших и меняющихся под влиянием информационных технологий. Если все-таки попытаться их обобщить, то вместе с социокультурными преимуществами и формальным потребительским выигрышем можно заметить разрыв, углубляющийся между человеком как активным субъектом жизни и его непосредственной включенностью в жизнеобеспечивающие процессы, в процессы конструирования собственных ценностей и смыслов, особенно экзистенциальных. Именно этот разрыв воспринимается как отчуждение человека в сетевом обществе, его удаление от собственного «Я». Процесс отчуждения фиксируется, прежде всего, на социокультурном уровне [67; 218]. Помимо этого, затрагивается и нейробиологический уровень – системная работа мозга [288]. Психологический уровень отчуждения, несмотря на всю его очевидность, требует специальных исследований, экспериментально обоснованных доказательств.

Психологический ракурс отчуждения

Говорить об отчуждении как о непротиворечивом едином феномене, социальное и психологическое содержание которого разделяется всем научным сообществом, сегодня вряд ли возможно. Тем не менее надо признать, что отчуждение – феномен, который с давнего времени привлекал внимание мыслителей. Стремлением определить его природу и содержание пронизана мысль учёных самых разных областей человекознания. Попытка систематизировать сложившиеся психологические смыслы приводит к тому, что отчуждение понимается как конфликт между Сверх-Я и Оно (З.Фрейд); коренная тревога (К.Хорни); сужение личностной жизни (С.Л.Рубинштейн, К. А.Абульханова-Славская), несовпадение значений и смыслов (А.Н.Леонтьев), неотражённость в Другом (А.В.Петровский, В.А.Петровский), одиночество (А.Е.Горбушин, В.А.Абраменкова).

Несмотря на кажущуюся проработанность психологического содержания отчуждения, актуальным остаётся вопрос, касающийся его понимания представителями нового поколения. Именно, настоящее и будущее тех, кто родился в начале 2000-х годов, тесно связано с освоением постоянно обновляющихся информационных технологий. Остановимся на отчуждении в понимании и поведении молодёжи нового поколения. В одном из наших исследований, проведённом совместно с М.А.Бешировой, участвовали обучающиеся различных высших учебных заведений Санкт-Петербурга. Всего 133 человека, средний возраст 21 год. Участники исследования проходили обучение по гуманитарному, социально-экономическому, техническому, информационно-технологическому, естественно-научному профилям.

Для определения личностного смысла феномена отчуждения использовался метод незаконченных предложений, предложенный

Л. Саксом и В. Леви [137]. Наша модификация заключалась в том, что участникам исследования предлагалось завершить первым пришедшим в голову окончанием начало только одной фразы «Для меня отчуждение – это...». В основу обработки полученных ответов был положен контент-анализ. Учитывались ответы, эксплицирующие сферу отчуждения, отношение к отчуждению и позицию субъекта. Проводился частотный анализ каждой группы ответов в виде процентного соотношения в общей группе респондентов.

Результаты контент-анализа показывают, что отчуждение понимается студентами главным образом как феномен, который затрагивает связи с социальными институтами, с ближайшим окружением и с собой. В любом случае содержание отчуждения сводится к разрыву контактов, обеднению общения, одиночеству. Для одной трети участников исследования, точнее для 34%, межличностное взаимодействие – наиболее вероятная сфера отчуждения. При этом указывается, что источником отчуждения может стать «любовь», «дружба», «конфликт», «успех», «недоверие».

Судя по ответам, возможность отчуждения в социальной сфере отмечают 20% участников исследования. В этом случае отчуждение касается образования, как высшего, актуального в настоящий момент, так и школьного, значимого ранее. В ряде ответов точно указываются названия учебных заведений. Значимость обучения становится вполне очевидной, если учитывать возраст участников исследования и их учебную деятельность как основную для самореализации и саморазвития в этот период личностного развития. Возможной сферой отчуждения также признается кровная семья. Внутренняя реальность личности как возможная сфера отчуждения признается 15% студентов. Они воспринимают отчуждение как искажение представлений о целостности собственного «Я».

Согласно полученным результатам отчуждение воспринимается студентами преимущественно как негативное переживание. На своё негативное отношение указывают 62% студентов. Наиболее часто оно выражается через астенические эмоции и эмоциональные состояния, например, «грусть», «скука», «мука», «опустошённость», «бессилие», «подавленность». В подобном эмоциональном спектре явно фокусируется смысл отчуждения как переживание потери. На этом фоне встречаются ассоциации с гневом, агрессией, напряжением, что усиливает негативный психофизиологический смысл отчуждения. Нейтральное отношение наблюдают у себя 20% участников исследования. В нём отчуждение представлено как естественный процесс, в котором сбалансировано позитивное и негативное в жизни человека.

Позитивное отношение, отмеченное у 11% студентов, передаётся эмоциями «счастье», «радость», «интерес», «спокойствие» и некоторыми их экспрессивными признаками, например, «улыбка». Одной из возможных причин получения удовольствия от отчуждения можно считать склонность

обесценивать тёплые, близкие отношения с окружающими людьми, неспособность к открытому взаимодействию, фиксация сознания на рисках доверия. Вполне логично, что человек, отрицающий ценность тёплых эмоциональных отношений, рассматривает отчуждение, разрыв связей с окружающими как благоприятный факт, освобождающий его тягостного, некомфортного общения.

К числу личностных смыслов была отнесена позиция, которую занимает субъект по отношению к источнику субъективного отчуждения. При этом чётко проявляется две позиции – активная и пассивная. Активная позиция означает, что роль источника отчуждения принадлежит переживающему субъекту. Именно его действия, создающие барьеры для коммуникации, увеличивающие дистанцию общения с окружающими людьми, приводят к ощущению отчуждения. В то же время субъект воспринимает себя способным управлять процессом отчуждения, влияя на межличностное взаимодействие и определяя его конечный результат. Такая активная позиция принадлежит 32% участников исследования. Однако и пассивная позиция среди студентов выражена примерно в таком же объёме. Она встречается у 29% студентов. С пассивной позиции отчуждение воспринимается как результат действий определённого объекта или сложившейся ситуации. Субъект склонен воспринимать себя обособленным за счёт действий, которые помимо его воли совершают другие в коммуникации. Возникновение барьеров и негативного эмоционального фона коммуникации, увеличение непреодолимой дистанции взаимодействия приписывается другим. Сам же субъект – это невольный участник происходящего. Отметим, что амбивалентность позиций в отношении источника отчуждения встречается редко – только у 4% студентов.

Применение опросника субъективного отчуждения (СОТЧ-У) Е.Н.Осина [218] позволило определить общий уровень отчуждения и выраженность некоторых его видов у студентов гуманитарного (62 человека) и технического направления обучения (37 человек). Оказалось, общий уровень отчуждения в каждой группе в целом вписывается в границы генеральной нормы. Однако он выше у студентов технического направления, чем гуманитарного – 164 балла против 150 баллов (различия статистически достоверны $t = -2.9393$, $p=0.004$).

Аналогичные соотношения обнаруживаются и в выраженности отчуждения от общества – 39 баллов и 35 баллов соответственно (различия статистически достоверны $t = -2.0734$, $p=0.04$). При этом студенты, обучающиеся техническим специальностям, в большей мере ощущали бессилие в разных жизненных ситуациях, ощущали себя неспособными к достижениям и успеху, недооценивали свою профессиональную компетентность – 53 балла, отрицали ценности в своей жизни – 40 баллов. В то время как в группе студентов гуманитарного направления

выраженность бессилия менее значима и достигает 46 баллов, а нигилизма – 36 баллов (различия статистически достоверны $t = -3.0178$, $p=0.003$ и $t = -2.2341$, $p=0.027$).

Возникает предположение, что ощущение отчуждения более выражено у тех, кого информационные технологии привлекают как область познания и профессионального обучения. Убедиться в правильности этого предположения можно только после выявления сформированных личностных свойств и мотивов, которые побудили к обучению по техническим и информационно-технологическим направлениям. Анализ психологических подходов к пониманию отчуждения, как и полученные собственные результаты, приводит к идее исследования одиночества как одного из его проявлений. Отчуждение как разрушение связей личности с окружающим миром нередко сопровождается переживанием одиночества.

Уникальность одиночества как системообразующего феномена человеческого бытия определяется прежде всего тем, что затрагивает всю психическую организацию и разные виды активности личности. Уникальность также в парадоксальности, которая пронизывает сущность, истоки возникновения, жизненные роли одиночества. Не случайно, что одиночество всегда привлекало и продолжает привлекать внимание философов, социологов, психологов, литераторов и представителей разных видов искусства [247; 302]. Благодаря многомерному взгляду, одиночество раскрывается не только как негативное переживание социального отчуждения, но и как условие для личностного развития.

Одиночество фокусирует непреодоленные личностью барьеры во взаимоотношениях с окружающими людьми, неспособность и невозможность удовлетворять актуальную потребность в коммуникации, в принадлежности какой-либо конкретной социальной или лично значимой группе. В то же время субъективное ощущение одиночества возникает в обширном пространстве социального взаимодействия личности, на фоне динамичных и бесчисленных контактов в окружающем социуме. Одиночество сопровождает социальную активность человека, выполнение им профессиональных, семейных ролей, хотя и преодолевается благодаря труду, карьерным продвижениям, преобразованию семейного и родительского статуса. Некоторые формы переживания одиночества связаны с механизмами саморазвития личности [172].

Эмоциональный парадокс одиночества в том, что оно переживается как тягостное, угнетающее состояние, нередко сопровождается патологическими изменениями психических процессов и социальной направленности поведения, вплоть до появления асоциальности. Одновременно одиночество обладает психотерапевтическим ресурсом, может участвовать в лечении ряда заболеваний [158]. К тому же, при отклоняющемся поведении одиночество переживается особенно остро и драматично [125].

Понимание одиночества как отражения социального отчуждения и самоотчуждения личности связано с противоречиями между субъективным и объективным в этом феномене. Переживание одиночества – всегда субъективно, сугубо индивидуально. Оно, как правило, напрямую не соотносится с объективным социальным взаимодействием личности, хотя и обуславливается социальной коммуникацией, межличностными контактами и общением. В одиночестве заключено глубокое погружение в себя, в идентичность своего «Я» при необходимости проявлять социальную идентичность, соответствовать экономическим, культурным, этическим законам общественного устройства. Помимо этого, одиночество означает поиски личностью связей с собственным внутренним миром, с внутренней основой ощущения себя. Причины одиночества кроются в окружающей реальности, уникальности жизненного пути, особенностях социального и возрастного развития, в структуре психологических свойств и в биологической природе самого человека [334; 388].

Одиночество занимает большое место в жизни подрастающего поколения. Сами подростки признают одиночество актуальной проблемой своего возраста. Они склонны воспринимать одиночество как кризисную ситуацию, которая лишает их общения. В их сознании одинокий человек находится в изоляции от других, это тот, кто покинут, брошен, не нужен, кого сторонятся и избегают окружающие люди, от кого все отворачиваются, стараются не замечать [385]. Причины своих переживаний видят в семейных отношениях, в собственных личностных особенностях и в эмоциональном дискомфорте, которыми сопровождается их семейная и школьная жизнь. Напряжённые, лишённые доверия отношения с родителями, непонимание со стороны значимых людей и социального окружения подавляют потребность в близости, в открытости [125].

Подобная подростковая позиция имеет разнообразные социальные, личностные, а также биологические предпосылками. Следует в первую очередь подчеркнуть высокую эмоциональную уязвимость подростков, связанную с естественными физиологическими изменениями, стремление к взрослой жизни на фоне низкой социальной и психологической готовности к ней, типичные протестные реакции на требования общества, семьи, школы. Уход в себя, в неразделённое ближайшим окружением переживания, провоцируется постоянной, трудно насыщаемой потребностью в самопознании и понимании себя, в признании своей индивидуальности со стороны значимых взрослых людей и референтных групп, потребность в доверительных отношениях с одноклассниками, сверстниками противоположного пола, друзьями.

Для переживания одиночества, безусловно, важно и то, что в подростковом возрасте закладывается основа для формирования динамичной смысловой системы личности. Именно потому обостряется конфликт базовых потребностей: потребности в автономии,

самостоятельности, саморуководстве и потребности в социальном принятии, принадлежности группе. Подростки решают эту проблему по-разному. Разнонаправленные поиски индивидуально комфортной для межличностного взаимодействия среды сочетаются с самоотчуждением, погружением в переживание одиночества.

Возникает вопрос о том, каким образом сказывается реальное социальное отчуждение на переживании одиночества подростков. Для ответа вернёмся к описанию результатов одного из проведённых нами ранее исследований [385]. В нем участвовали подростки мужского пола в возрасте 15-17 лет – 86 человек. Это были подростки, поведение которых объективно не соответствовало общественным нормам и которое можно классифицировать как девиантное. Подростки пренебрегали школьной дисциплиной, самовольно уходили с занятий, могли длительный период отсутствовать в школе по неуважительной причине, сквернословили, курили, занимались вымогательством, были организаторами азартных игр на деньги и участвовали в них, агрессивно вели себя по отношению к сверстникам и педагогам, конфликтовали с родителями, бродяжничали, идентифицировали себя с асоциальными группами, некоторые были их членами. Половина подростков проживала в неполных семьях, 27% из них воспитывались отчимом. Для сравнения была привлечена группа, состоящая из 90 подростков в возрасте 15-17 лет, поведение которых соответствовало нормативному, вписывающемуся в категорию просоциального. Подростки этой группы воспитывались в полных благополучных семьях.

При гарантировании конфиденциальности результатов все подростки добровольно согласились участвовать в исследовании, хотя заинтересованность и поведение во время тестирования существенно различались. Подростки, склонные к девиантному поведению, отличались сниженной мотивацией к исследованию, проявлениями вербальной грубости в адрес психологов. Основанием для определения уровня одиночества послужили результаты методики Д. Рассела, М. Фергюсона «Шкала одиночества» [234].

Как показало исследование, подростки с девиантной направленностью поведения склонны к переживанию одиночества разной выраженности. В среднем по группе выраженность одиночества составляет $26,1 \pm 12,4$ балла. Высокий уровень ощущения одиночества отмечается только у 20% подростков. Это подростки, которые остро переживают разрыв со значимыми социальными группами, отсутствие принадлежности к ним, часто чувствуют себя покинутыми, ненужными. Они не довольны собой, не удовлетворены отношениями с родителями, близкими людьми, друзьями. Умеренный уровень одиночества зафиксирован у 36% подростков. Можно считать, что у подростков этой группы чувство отчуждения, одиночества возникает в зависимости от наличия ресурсов

преодоления коммуникативных барьеров. Низкий уровень одиночества наблюдается у 44% подростков с девиантным поведением. К этой категории относятся подростки, которые эпизодически ощущают одиночество, обладают внутренними ресурсами преодоления коммуникативных проблем, умеют использовать имеющиеся ресурсы для сохранения необходимого им качества общения.

Выявленное распределение проявлений одиночества во многом аналогично распределению в группе подростков с нормативным поведением. В ней средние групповые значения соответствуют $24,7 \pm 11,8$ балла и статистически не различаются с рассмотренной выше группой. В группе подростков с просоциальным поведением высокий уровень одиночества отмечается у 28% подростков, умеренный уровень зафиксирован у 36% подростков и низкий уровень – у 36%.

Подчеркнём ещё одну особенность, объединяющую переживание одиночества подростками с разной направленностью поведения. В сознании подростков с девиантным и просоциальным поведением причины одиночества чётко дифференцируются на социальные, связанные с общением, и личностные, связанные с рефлексией собственного «Я». Подростки обеих групп относят к причинам одиночества проблемы внутрисемейного общения, общения с друзьями, сверстниками, любимыми людьми и ближайшим окружением.

Различия между подростками связаны с отношением к эмоциональным источникам одиночества. В группе подростков с девиантным поведением неудачи в выражении любви и принятии ее со стороны других наименее значимы для появления чувства одиночества. На эту причину указывают лишь 13,5% подростков. Вполне вероятно, что отсутствие безусловного принятия, эмоционально комфортной атмосферы в семье, искажённые детско-родительские отношения, постоянное ощущение дефицита материнского и отцовского внимания создают ложные представления о любимом человеке, о смысле и культуре любви, осложняют возникновение собственных глубоких, стойких чувств. Подростки с просоциальным поведением разрыв эмоциональных отношений и непонимание со стороны любимых людей воспринимают как наиболее значимый фактор. Его роль более высока, чем роль семьи. Значимость отношений с любимыми людьми отмечают 59,7% подростков.

Дифференцирует подростков временная перспектива переживания одиночества. У подростков с девиантным поведением одиночество ассоциируется преимущественно с прошлым. Это наблюдается у 45% подростков. Прошлое означает то время, когда они жили с семьёй, когда в ней возникали проблемы и их охватывало ощущение безысходности и незащищённости. Будущее, отдалённое и наполненное надеждами и планами, ожиданием успеха, менее значимо как источник одиночества. Его так оценивают 31% подростков. Настоящее же, полное активности

достижений, уступает прошлому и будущему в роли причины одиночества. Оно значимо для 24% подростков. Иная иерархия временной перспективы переживания одиночества у подростков с просоциальным поведением. Одиночество наиболее значимо в настоящем (52% подростков) и существенно менее значимо в прошлом (23% подростков) и будущем (25% подростков).

Не вызывает сомнения, что субъективно переживаемое одиночество – это сущностный признак подросткового возраста, выполняющий различные функции. Системообразующая из них – внутреннее измерение соответствия себя и окружающего социального мира, конструирование внутренних критериев понимания себя и происходящего вокруг. Следует признать, что в подростковом возрасте уединение – это не только путь к девиациям. Замкнутое для проникновения других, субъективно комфортное пространство позволяет сконцентрироваться на актуальной потребности в самоосознании, на определении своего места среди других людей, социальных институтов и общественных процессов.

Таким образом, смена информационных тенденций развития общества сопровождается трансформаций имманентно присущих человеку психологических механизмов жизнедеятельности, основы которых заложены в предшествующих поколениях, живших в других социокультурных условиях. Перемены, происходящие во внутреннем мире личности на рубеже XX – XXI столетий, демонстрируют, казалось бы, тотальный разрыв с предшествующим опытом. Однако это не так, и историко-культурные, и социально-философские взаимосвязи прослеживаются достаточно чётко. Например, «классическое» капиталистическое понимание отчуждения как процесса «ограбления» результатов труда имеет прямое продолжение в многообразных формах современного товарного фетишизма. В свою очередь, тотальная ставка личности на прагматические составляющие бытия самоотчуждает человека от его экзистенциальной сферы, причём как внутренней, так и внешней.

Представленный теоретический и эмпирический анализ убеждает, что переживание отчуждения и одиночества присуще представителям современного молодого поколения как факт их жизненного бытия в информационном обществе, не зависящий ни от направленности обучения, ни от направленности поведения.